

«Да здравствуют летние каникулы!» — хотелось мне завопить и окунуться с головой в радости безделья, но плотный график этого не позволял. Весь июль мне предстояли ежедневные практики. С августа их количество сократится до двух дней в неделю, по средам и пятницам, все остальное время — одна сплошная подработка, если какие другие планы и возникнут, придется их впихивать в свободное время, и об отдыхе забывать нельзя.

— Господин, господин!

Крошечная ручка дергает спящего меня за нижнюю губу. Открываю глаза и вижу стоящего у себя на груди человечка в пятнадцать сантиметров в высоту.

— Доброе утро, господин. Пора учения, — человечек отвесил глубокий поклон.

Его зовут Фул. Путеводитель по магической книге «Пти Иерозоикон». Ведет себя до крайности учтиво, но искренности ему хронически не хватает. И хотя видно, что по отношению ко мне, как к своему мастеру, он старается изо всех сил, результаты этих стараний часто оставляют желать лучшего. Если учесть, что он в своем роде возглавляет остальных волшебных и демонических созданий книги, можете себе представить, как много мне от них пользы.

— С этого дня начинается новый этап практик. Рост господина есть и наш рост. Мы, как единое целое, молим вас проявить волю в познании новых рубежей...

— Да-да.

— Доброе утро, Юси-кун!

Пять часов утра. Мой тренер, Акинэ Куга-тян пришла меня будить.

Акинэ-тян учится в третьем классе старшей школы Таканодай. Начинаящий экстрасенс, мечтающий в будущем стать экзорцистом. Днем она обычная старшеклассница, а по ночам работает в больнице Цукиноки в отделении для потусторонних созданий.

Под ее руководством я занимаюсь практиками роста духовной силы: в одних плавках под струей ледяной воды читаю в течение нескольких часов подряд сутру.

Вообще-то мне даже было немного интересно, что за новая практика мне предстоит, но на деле оказалось...

— Держи, с этого дня будешь читать это.

На заламинированном листе бумаги теснились ровные строчки иероглифов.

— Но... это не «Сутра сердца»?

— Это мантра. Разновидность сутры... Но посложнее!♪ — Акинэ-тян многозначительно улыбнулась.

Действительно, эта мантра оказалась намного сложнее «Сутры сердца».

— Намо ратна трая... яя Нама арья ва?.. Валоките?.. Шварая...

Слова были все незнакомые, я с трудом мог их прочесть без запинки, и сконцентрироваться, как обычно, никак не получалось. Льющаяся на голову вода, которую я до этого дня почти перестал замечать, сегодня как-то особенно сильно действовала на нервы.

— Я понимаю, Юси-кун, это раздражает, но терпи! Терпи!

Скорее всего, это все тоже часть тренировки, но все равно... все равно...

А-а-а, бесит! А-а-а, сил никаких нет!

Пусть на дворе лето, но я чувствовал, как тело под проточной водой медленно, но верно холодеет. Мышцы свело, и вскоре меня начала бить крупная дрожь. Я перестал чувствовать ноги и руки.

Да нет... Быть не может... Как же так?!

Я не предполагал ничего подобного. Мои эмоции и мое тело точно перестали мне подчиняться.

— Ма... Ма... Маха... каруникая... Ом чакра варти чин... а-а... что за!

— Терпи!

Раздающиеся время от времени окрики Акинэ-тян приводят меня в чувство.

Обычно два часа пролетали незаметно, но сегодня они все тянутся и тянутся! Я точно тащусь в темноте с тяжеленным грузом на плечах и от страха, что конца и края этому пути не видно, медленно схожу с ума. Скованные холодом суставы в буквальном смысле скрипят, как несмазанная телега.

«Зачем я вообще этим занимаюсь?..» — опять подумал я впервые с начала практик.

Тогда, в первые дни, физически было очень тяжело, хотелось все бросить, но я так быстро привык, что забыл об этом приступе слабости (как сказала Акинэ-тян, у меня талант к концентрации внимания), и утренние водные практики и дневное чтение сутр перестали меня сколько-нибудь напрягать.

Каким же я был наивным!..

Это ведь был только первый шаг!

А стоило чуть повысить сложность — и я уже едва не вою от трудностей!

— Терпи! — голос Акинэ-тян точно пронзил насквозь мой мозг, и я невольно подскочил.

— Возьми себя в руки! Терпи! Терпи, терпи!..

Я изо всех сил, несмотря на боль во всем теле, сдерживал нарастающее раздражение, чувствуя, как внутри меня сталкиваются, борются друг с другом самые разные эмоции. И тут...

— Все! Достаточно, Юси-кун.

Стоило мне услышать объявление об окончании практики, и я прямо как марионетка, у которой перерубили нити, плюхнулся на колени в надувной бассейн.

— Ты в порядке? — заглянула мне в лицо Акинэ-тян.

«Ничего я не в порядке!» — хотелось мне огрызнуться, но слова не шли. Голова кружится, ноги и руки дрожат, все тело ноет! Реально болит!

Но Акинэ-тян мое состояние ни капельки не смутило, она довольно улыбнулась:

— Ты отлично справился! Молодец!

Спасибо, конечно... Только ничего, что я тут едва ноги не протягиваю?

А Акинэ-тян еще и добавила, окончательно меня доконав:

— Погоди чуть-чуть, я позову Акира-сана, чтоб он тебя в ванную отнес.

А-а-а, так и знал, что этим все закончится!

— Не... не на... до...

Но мой голос не достиг ушей бегущей вприпрыжку к особняку девушки.

Нет, если на то пошло, я уже не раз купался вместе с представителями мужской половины общежития, стесняться, что они увидят меня голым, мягко говоря, поздно, но совсем другое дело, когда тебя относят на ручках, раздевают и усаживают в ванную! Тебе, Акинэ-тян, не понять, как при этом страдает моя мужская гордость!.. но смысл жаловаться, если я сейчас пыхчу, как после марафона, и пальцем пошевелить не могу.

«Что местным обитателям до моей ничтожной гордости... разжевать и выплюнуть...»

Размышляя на тему, как жизнь здесь окончательно отправила мои и без того скромные чувства собственного достоинства и уверенность в себе в небытие, я все глубже погружался в пучины депрессии надувного бассейна.

— А вот и мы! Юси-кун, ты живой? — звонким и жизнерадостным голосом поинтересовалась вернувшаяся Акинэ-тян.

Следом за ней, зевая, шел Художник Акира Фукасэ.

Его картины, исполненные в ярких красках в современном стиле, пользуются большой популярностью за границей. С высветленными волосами, грозным взглядом и весь в черной коже, он скорее похож на байкера, чем на представителя мира искусства. Хотя он и правда обожает пустить в ход кулаки и, я слышал, часто устраивает дебоши на своих персональных выставках.

— Что, пошевелиться не можешь, Юси?! Бха-ха-ха-ха! — захохотал при виде моего неподвижного тела Художник.

Смейтесь, пожалуйста. Вообще не вопрос.

— Ого, да ты как ледышка! На труп похож!

Художник легко поднял меня на руки.

— Проследите, чтобы он хорошенько отогрелся, Акира-сан.

— Ага, понял.

— Ну, а я пока пойду, займусь завтраком, Юси-кун. Хорошо покупаться!

Садистка... так и вертится на языке.

В подвале Особняка нежити есть пещера с термальным источником. В колеблющемся из-за плотных слоев пара полумраке Акира-сан, не выпуская меня из рук, точно младенца, погрузился по плечи в горячую воду естественного происхождения бассейна.

— А-а-ах... Как хорошо...

«Да делайте уже со мной, что хотите», — отрешенно подумал я. Но вскоре сковавшее тело уныние начало оттаивать. Медленно, сопровождаясь покалыванием, к рукам и ногам возвращалась чувствительность, а затем по всему телу прокатилась блаженная волна от отогревшейся и весело побежавшей по сосудам крови. Когда она достигла головы...

— А-а-ах... — застонал я, едва не потеряв сознание.

— О, отмер наконец?

— Простите, Акира-сан. Подняли вас.

— Да нет, как раз в тему вышло. Я вчера перебрал немного, а горячая ванна утром от похмелья — первое средство. Но, смотрю... тебе тоже несладко приходится, — насмешливо хмыкнул Художник.

Мне стало стыдно. Не только потому что со мной обращались, как с беспомощным новорожденным, но и потому что он видел меня насквозь: ведь мне действительно не терпелось пожаловаться на тяжесть практик.

— Ну, главное, не торопись, потихоньку.

И опять он будто откуда-то знал, что мне хотелось услышать.

Точно говорил тем самым, что жаловаться можно...

— Угу, — я легонько кивнул.

Пусть я сам считаю свою судьбу необычной и сложной, но это не значит, что она мне не нравится.

Прошлый я, до переезда в особняк, так бы точно не думал. Сейчас же в голове вспыхнули хорошо знакомые слова:

«У тебя впереди долгая жизнь в бесконечно огромном мире. Позволь себе расслабиться».

Мой личный мир и окружающий меня мир — оба бесконечно огромны. И точно так же, как я мало еще что знаю о втором, первый тоже таит в себе бесконечное число неоткрытых пока граней моей личности. Разве это не волнительно? Кто, к примеру, мог подумать, что одной из таких граней будет чародей, господин двадцати двух волшебных и демонических созданий? Круто же! Поэтому останавливаться я не собираюсь. Какими бы тяжелыми ни были практики, они необходимы для будущего меня.

А этот человек, принимающий утреннюю ванну, чтобы снять симптомы похмелья, и легкомысленно мычащий себе под нос какую-то мелодию... прекрасно все это понимает. И не только Художник. Все живущие в особняке люди и существа меня понимают. Поэтому и могут позволить себе с улыбкой сказать: «Жаловаться можно».

Я почувствовал, как на сердце теплеет, но не только от термального источника...

Выйдя из ванной и уловив доносящиеся из кухни вкусные ароматы, я опять едва не лишился чувств.

— Доброе утро. Что, трудимся в поте лица спозаранку? — усмехнулся сидящий в столовой Рю-сан.

— Ты когда вернулся? То-то я думаю, больно тихо, — хмыкнул Художник.

Рю-сан — могущественный экстрасенс и пример для подражания для Акинэ-тян.

Худощавый и длинноволосый, с его внешними данными ему впору работать в шоу-бизнесе или моделью для глянцевого журнала, а не внушать ужас нежити одним своим возвращением в общежитие. То еще, скажу вам, зрелище, когда потусторонние создания в его присутствии вдруг бросаются наутек или расступаются, давая пройти. Мне самому, правда, еще не приходилось наблюдать в деле его экстрасенсорные способности, но уже одно то, с каким почтением к нему относится нежить, говорит о многом.

Хотя я и сам им искренне восхищаюсь. Свойственные ему мудрость и проницательность придают его речам некую особую убедительность, они буквально отпечатываются у тебя внутри. В них чувствуется Истина. Это Рю-сану я обязан тем словам, что стали для меня спасительными: «У тебя впереди долгая жизнь в бесконечно огромном мире. Позволь себе расслабиться».

— Слышал, ты с сегодняшнего дня перешел к более сложным практикам? — с улыбкой спросил Рю-сан.

— У... Угу. В некотором роде...

— Поэтому ноги не держали? Ха-ха-ха!

Вам лишь бы посмеяться, будто в этом нет ничего такого! А мне, между прочим, со стыда под землю провалиться хочется!

— Завтра я тебя в ванную отнесу.♪

— Бху! — я едва не подавился глотком воды. — Н-не стоит!

— Обидно, однако. А Акира-сану, значит, можно?

— Я тебе больше нравлюсь?!

— Бха-ха-ха-ха-ха!

— Ну хватит вам издеваться! — взвыл я и покачнулся в приступе головокружения.

— Так, все, достаточно. Завтрак готов! — вышла из кухни с подносом Акинэ-тян.

— Наконец-то!

Маринованные в острокислом соусе после обжарки в масле мелкие ставридки и тамагодофу с щедрой порцией летних овощей. Салат из шпината и лепестков хризантемы с тофу, жареная с пророщенными бобами свинина. Суп из моллюсков и слабомаринованные баклажаны. На первый взгляд много, но блюда подобраны таким образом, что умять их все за раз не составит никакого труда.

— Ох, этот запах уксуса... Желудок так и сводит от голода. — Даже у Рю-сана, похоже, потекли слюнки.

— Юси-кун, а ты держи свое особое меню. Салат из зелени, овощей и порезанной соломкой говядины. Сначала съешь его, ладно? Не торопись.

— Ого, красота какая!

Сочные зеленые листочки рукколы и кервеля, красные ломтики помидора напомнили, что сейчас самый разгар лета. Маринованные с сельдереем и луком кусочки говядины при раскусывании брызгали пряно-кислым соком, еще сильнее разжигая аппетит. На гарнир к салату шли миниатюрные яйца пашот из перепелиных яиц — будь моя воля, так бы и глотал их, не считая.

Рю-сан и Художник с завистью наблюдали, как я уписываю приготовленные специально для меня блюда. В процессе чтения мантры я несколько раз больно прикусил себе язык, но завтрак был таким вкусным, что саднящие из-за уксуса ранки были напрочь забыты.

После салата меня ждала приготовленная на бульоне еще горячая рисовая каша по-китайски, мягко согревшая все мое тело изнутри.

— Спасибо огромное, Рурико-сан! Все очень вкусно!

Ответственная за кухню Рурико-сан, привидение-кисти, радостно потерла красивые бледные пальцы.

Привлеченные аппетитными ароматами, в столовую явились и другие обитатели особняка.

— Всем привет!

— Доброе утро!

Поэт и сказочник Рэймэй Иссики, нежить, но при этом работающий в крупной косметической компании Сато-сан и садовод-любитель Ямада-сан. Все знакомые лица.

— Рю-сан, ты вернулся!

— Только что.

— Ты сегодня на удивление рано, Акира-сан.

— Отмокал в ванне от похмелья.

— Значит, пива баночку уже вскрыл?

— После ванны пиво — самое то!

Столовая наполнилась смехом. Согревшийся в термальном источнике, утоливший голод вкусным завтраком и теперь окруженный жизнерадостными голосами, я чувствовал, как меня

всего окутывает непередаваемое счастье.

В следующий миг.

Открыв глаза, я обнаружил себя лежащим на полу гостиной. Под боком у меня спал Буся.

— А, проснулся? — спросил сидящий на диване Поэт, отрываясь от газеты.

Судя по часам, приближался обед.

— Ты заснул прямо за завтраком. Как младенец!

— А-а-а, опять! — я схватился за голову.

Поэт расхохотался.

— Но это же не повод укладывать меня в обнимку с Бусей!

Буся — мальчик года двух-трех, ставший привидением, когда после долгих издевательств его убила родная мать. Вместе с не отходящей от него ни на шаг собакой Белой, что его вырастила, они живут в особняке и ждут момента, когда их души смогут упокоиться.

— Посапывающие на фоне летнего сада детишки, прикрытые тонким одеялом... Чудная картина... Ласкаемые раскаленными лучами бирюзовой тьмы, вены и артерии маленьких солнц земли вспучиваются огненными вспышками... — блаженно забормотал Поэт.

Видимо, в приступе вдохновения описывал сад особняка, хотя смысл его слов я так и не уловил.

В залитом летнем солнцем саду подсолнухи и чертополохи соревнуются, кто пышнее и красивее расцветет. Из открытой веранды мягко дует прохладный ветерок. Никакого кондиционера не надо.

— О, ты проснулся, Юси-кун. Как себя чувствуешь? — зашел в гостиную Рю-сан.

— Да ничего...

Силы вернулись. После завтрака и четырех часов беспробудного сна от утреннего ощущения немоги не осталось и следа. И голова была ясной.

— Эх, вот что значит молодость! Хорошо тебе, — засмеялся Рю-сан, хотя сам выглядит

максимум лет на двадцать четыре — двадцать пять (но истинный его возраст — большая загадка).

— В этом возрасте дети — что губки, моментально все впитывают и усваивают. И постоянно меняются, точно шкуру сбрасывают, раз — и не узнать. Одно удовольствие за ними наблюдать, ждать, когда они засияют в полную силу.

— Прямо как неограниченные камни.

Это они меня с драгоценным камнем сравнивают?

Но драгоценные камни становятся таковыми, лишь попадая в руки гранильщика. Иначе мне не было бы к чему стремиться.

— Обед готов! — пришла Акинэ-тян. — А, Юси-кун. Ты как?

— Полон сил!

— Хорошо. Тогда давай обедать. Есть пшеничная лапша и суши!♪

— Но разве во время практик на обед не один хлеб?

— Сегодня днем сделаю тебе поблажку, поэтому можешь есть спокойно.

— Ура!

Особый ланч Рурико-сан (хотя у нее каждое блюдо — особое) включал в себя охлажденную пшеничную лапшу и тираси-суши со скумбрией. Рыбные кусочки, еще теплые, кроме ожидаемого кислого укусного послевкусия наполняли рот целой гаммой пряных ароматов. Умопомрачительно вкусно!

— Сразу чувствуется наваристый рыбный бульон! — простонал Поэт.

— Сейчас бы рюмочку опрокинуть, — Рю-сан рукой сделал жест, будто пьет саке.

— О, а давай?

— Давай-давай.

— Рури-Рури, поставь-ка нам «Дайгиндзё»!♪

Саке под лапшу с тираси-суши? Мы с Акинэ-тян, будучи еще несовершеннолетними, лишь с улыбкой переглянулись, хотя что-то мне подсказывало, что вареная скумбрия и правда неплохо бы сочеталась с саке.

Жаркий летний полдень. Охлажденная, что почти зубы сводит, лапша, пряная рыбка в качестве закуски под «Дайгиндзё»... Роскошно. Пусть я сам непьющий, но все равно понимаю, насколько это роскошно.

— Кстати говоря, Хасэ-кун к нам не собирается? — спросила Акинэ-тян. Ожидала, видимо, что он в первый же день каникул примчится.

Мидзуки Хасэ — мой лучший друг, которому известно все и обо мне, и о «Пти», и об этом общежитии. Он учится в элитной школе в центре города, поэтому видимся мы редко, но Хасэ, всем сердцем полюбив особняк, приезжает теперь чуть ли не каждые выходные с ночевкой, чтобы расслабиться и вдоволь насладиться праздным времяпрепровождением.

— Хасэ с семьей уехал в Австралию кататься на лыжах. Вернется где-то недели через две.

— Летом на лыжах?! Да уж, нам богатых людей не понять.

— Хотя и я сказал «с семьей», но на самом деле поехали только трое: Хасэ с мамой и старшей сестрой. Отец не смог оставить компанию. В их семье женщины — закон. Сказали, что летом хотят кататься на лыжах, хоть тресни, а сделают по-своему.

— А-ха-ха! Оказывается, и Хасэ-куну нелегко приходится.

— Еще как. Отдых — одно название, он мне вечно жалуется, что чувствует себя с ними бесплатным сопровождающим: билеты купи, гостиницу закажи, столик в ресторане зарезервируй и так далее. Вечно после таких поездок, особенно заграничных, возвращается как лимон выжатый.

— А-ха-ха-ха!

Наслаждаясь особым ланчем Рурико-сан, мы много смеялись, болтали, в общем, приятно проводили время.

Практика во второй половине дня продлилась всего два часа. Посреди темной комнаты перед одинокой свечой я раз за разом перечитывал сутру, способствующую концентрации внимания.

Окунувшись в термальный источник, я вновь наелся до отвала вкуснейшей едой, а там и день

подошел к концу.

Когда я вернулся к себе, на лежащем на столе «Пти» возник Фул и отвесил глубокий поклон.

— Примите наши искренние поздравления с окончанием этого полного благородных трудов дня, господин.

— Спасибо.

— Смеем заметить, от вас сейчас исходят особенно приятные энергетические волны. Мое сердце преисполнено радостью... — И Фул протяжно вздохнул.

Я усмехнулся. Вечно он все преувеличивает.

Хотя я и правда отлично себя чувствовал. Все тело переполняла сила...

Я посмотрел на свою ладонь. Казалось, даже мои пальцы светятся просачивающейся сквозь поры кожи энергией. Удивительное чувство. И вдруг меня осенило.

«У меня же во рту!...»

Утром во время чтения незнакомой мантры я несколько раз сильно прикусил себе язык, но сейчас он уже совсем не болел. Все прошло, а я даже не заметил.

«А практика-то эта, похоже, и правда крутая!...»

Но только-только разгоревшееся ликование испарилось без следа уже следующим утром. Практика опять прошла так тяжело, что я потерял сознание на первых звуках голоса Акинэ-тян, когда она объявила, что «Все, достаточно». Уже одно радует, что благодаря этому я не запомнил, как Рю-сан на руках относил меня в ванну и опускал в бассейн.

Очнулся я уже в горячей воде. Рю-сан улыбался. Повезло, что Хасэ уехал. Еще не хватало, чтобы он меня таким видел.

Однако, как легко у меня сменяется режим с «вынули батарейку» до «полностью заряжен» и обратно.

Только прошлой ночью я чувствовал себя совершенно другим человеком, а сегодня представляю еще более жалкое зрелище, чем вчера. Я вообще смогу такими темпами продолжать эти практики? На меня опять накатила тоска.

Но после завтрака и недолгого сна в голове прояснилось, телу вернулись силы, а унылый настрой прошел сам собой. Покончив с дневной практикой и ужином, я вернулся к себе в комнату и, вновь заряженный до отказа непонятно откуда взявшейся энергией, засел за домашние задания. Восхищенный той легкостью, с какой я справлялся с задачками и упражнениями, я опять невольно подумал: «Да я на самом деле крут!».

И вновь утренняя практика стоила мне всех душевных и физических сил...

«Что же теперь, и так до самой смерти будет продолжаться?» — устало думал я (а после того, как Рю-сан отнес меня в ванну, совсем впал в депрессию).

Но пришло четвертое утро.

«Хм... Кажется, стало полегче!..» — почувствовал я.

В теле будто заискрил совсем слабенький электрический заряд. Это ощущение усилилось на следующий день, затем еще и еще.

— Все, считай, привык. Быстро ты, — похвалила меня Акинэ-тян.

Чем больше у меня оставалось энергии после утренних практик, тем «заряженнее» я чувствовал себя днем и вечером. Причем именно в плане концентрации внимания и силы воли. На ежедневную порцию домашних заданий уходило совсем ничего времени. Сам себе поражался.

«И все-таки... все-таки я крут!» — крепла во мне уверенность, и уже ничто не могло ее пошатнуть.

И тут...